

Lízalová, Ljubov

**Фонематическая последовательность /тʼа/ и ее функционирование
в современном русском языке**

*Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada
jazykovědná.* 1988, vol. 37, iss. A36, pp. [125]-130

ISBN 80-210-0079-1

ISSN 0231-7567

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/101649>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University
provides access to digitized documents strictly for personal use, unless
otherwise specified.

ЛЮБОВЬ ЛИЗАЛОВА

ФОНЕМАТИЧЕСКАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ /t'a/ И ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Решение вопроса о противопоставлении парных твердых и мягких согласных в позиции перед ударной фонемой непереднего ряда /a/ уходит в далекое прошлое и охватывает как „эпоху до падения редуцированных и до смягчения полумягких, эпоху до падения редуцированных после смягчения полумягких, так и эпоху после падения редуцированных“, т. е. период с XI по XIII век (Калнынь, 1956).

Предлагаемая вниманию статья ставит своей целью на основании краткого освещения путей возникновения сочетаний типа /t'a/ продемонстрировать их функциональную нагрузку в современном русском языке и показать возможности построения оппозиций /ta/ : /t'a/.

В эпоху до падения редуцированных и до смягчения полумягких не все согласные охватывались категорией твердость—мягкость, большая часть их даже оказывалась вне ее. К так называемым исконно мягким в первую очередь относились сонанты /л'/, /р'/ и /н'/, возникшие в результате регрессивно-прогрессивной ассимиляции в сочетаниях зубных смычно-проходных и дрожащего с палатальным „йотом“, а затем /с'/ и /з'/, появившихся из [ch] и [g] в результате II-ой и III-ей палатализации. Кроме того, не все из исконно мягких в одинаковой степени сочетались с гласными непереднего ряда. Так, известно, что сочетания типа „мягкий согласный + /у/“ были характерны для сопорных и свистящих исконно мягких как внутри морфем, так и на морфемном стыке. В то же самое время исконно мягкие с /а/ можно было обнаружить лишь на стыке морфем. Сочетаний с /о/ исконно мягких в названную эпоху не было вообще. В целом же на специфичность сочетаемости парных мягких согласных русского языка с гласными непереднего образования огромное влияние оказало историческое развитие консонантизма и вокализма, находящихся „в отношениях сложного взаимодействия и обусловленности одних элементов этого структурного целого другими“ (Калнынь, с. 122).

Как показали исторические исследования в области фонологии русского языка, оппозицию по твердости—мягкости могли образовать лишь 5 пар согласных:

/л' : /л'/, /р' : /р'/, /н' : /н'/, /с' : /с'/, /з' : /з'/.

Причем, в результате возникновения l'-erent. после губных под влиянием [j], количество сочетаний /л' с непередними гласными значительно превышает количество сочетаний с /р'/, /н'/, /с'/ и /з'/.

Добавим, что парные твердые в приведенных противопоставлениях без особых ограничений сочетались как с /а/ и /у/, так и с /о/. Судьба мягких согласных с гласными непереднего ряда складывалась несколько по-другому.

Выше было отмечено, что микроструктура „мягкий парный согласный + /а/' в XI—XII вв. появлялась главным образом на стыке морфем в результате взаимодействия:

1. губного согласного + j + а, давшего сочетание губного согласного + l'-erent. + а: *земля, конопля, сопля* и т. д.;
2. сонорного согласного + -jā- или -ja-: *буря, воля, баня* и т. д. или свистящего согласного + -jā- или -ja-: *стезя, вся* и т. д.

Оформляя лексические единицы, в которых выражается грамматический строй языка, звуковые элементы, естественно, становятся отражением процессов, происходящих в нем. Так, взаимодействие твердых и мягких именных основ, наблюдаемое в морфологическом развитии русского языка, существенным образом сказалось на становлении категории твердых—мягких согласных.

Извлеченный из словарей современного русского языка материал показал, что фонетические изменения, прошедшие еще в „эпоху до падения редуцированных и до смягчения полумягких“ и давшие фонематическую последовательность /t'a/, представлены в довольно большом количестве лексических единиц. Так, 436 случаев из 1478 отражают отмеченное выше происхождение. Сюда относятся:

1. Фонематическая последовательность /l'a/, вошедшая в
 - а) существительные с основой на -ja: *земля, конопля, сопля* (и их производные); сюда же относятся и существительные *кровля, травля, гребля* и т. д., но поскольку в них исследуемая нами последовательность находится в безударной позиции, они не включены в список примеров;
 - б) существительные с суф. -jan-, образующим названия народов и жителей по месту их жительства: *древляне, киевляне, римляне, сельяне* (и формы их м. и ж. рода ед. ч.);
 - в) инфинитивные формы глагола с основой на -i-, который затем изменяется в [j], в связи с чем последующий [ë] — суффикс итеративного значения — меняется в [a]: *добавлять, обожествлять, осведомлять, отвечать, овеществлять, углублять, углублять, оглуплять, заготовлять, ограблять, подавлять, вдохновлять, оздоравливать, оздоблять, влюблять, ослеплять* и т. д., включая приставочные глаголы и производные формы, всего 79 словарных статей.
2. Фонематическая последовательность /p'a/ указанного происхождения весьма богато представлена извлеченным материалом современного русского языка. Это:
 - а) существительные: *дворяне, зыряне, поморяне, северяне, хutorяне, миряне, соборяне; горячка, коряга, добряк, жиряк; багрянец; курятин* и т. д.;

б) прилагательные: *дырявый, кудрявый, зрячий*;

в) наречие: *зря*;

г) глаголы: *ободрять, повторять, одарять, удесятерять, удочерять, внедрять, ковырять, козырять, умудрять, изнуирать, испарять, засорять, застрять, ублаговторять, затворять, терять, разъярять* и т. д.

3. Фонематические последовательности /n'a/, /c'a/ и /z'a/ также нашли свое отражение в выписанном нами материале. Это главным образом:

а) глаголы: *обеднять, соблазнять, оборонять, возбранять, обременять, извинять, обвинять, вонять, гонять, линять, удлинять, объединять, внять, донять, занять, нанять, наклонять, накренять, пенять, опьянять, воспламенять, пленять, ровнять* и т. д., всего 279 единиц;

б) существительные с основой на -ja:

бормотня, брезня, броня, возня, воркотня, головня, дежня, грызня, зеленя, кашня, лежня, мазня, западня, пятерня, резня, родня, стряпня, ступня, трепотня, хохотня;

в) существительные м. р. с суф. (н) -jak:

бедняк, вербняк, глушняк, дубняк, жердняк, житняк, ивняк, лепняк, плетняк, обиняк, просвирняк, прутняк, репняк, сквозняк, скорняк, слепняк, сосняк;

г) существительные, называющие детенышей:

ягнята, щенята, гусята, поросята, рысята;

д) причастия наст. вр. действительного залога от глаголов на -ить:

привозящий, грозящий (грозят), *разящий* (разят), *скользящий* (скользят) — сюда относятся и производные формы с ударением на исследуемой последовательности;

е) местоимение: *всякий*.

Принимая во внимание специфичность образования микроструктуры „мягкий парный согласный + /a/“ и ее позицию на стыке морфем, можно утверждать, что оппозиция по твердости—мягкости реализуется в подавляющем большинстве не на лексическом или морфонематическом уровнях, а на уровне сегментном, точнее — на уровне фонематической последовательности. Лишь в исключительных случаях можно привести примеры чистой лексической оппозиции. Это примеры некоторых приставочных глаголов-основ:

ободрать — ободрять, умирать — умирать, удéлать — удéлять, замирать — замирать.

Такая ситуация была создана эпохой до падения редуцированных и до смягчения полумягких.

Существенные изменения в фонетическом составе согласных и гласных древнерусского языка приносит с собой вторичное смягчение полумягких, которое в фонологическом отношении по словам В. В. Иванова произошло под влиянием стремления языка к устойчивости. Мягкими стали те твердые согласные, которые находились под воздействием последующего переднего гласного, преобретая тем самым позиционную полумягкость. Так появились вторичносмягченные сонорные и свистящие, совпавшие с исконно мягкими, и шесть новых мягких губно-губных и зубно-зубных согласных со своими твердыми противоположениями, связанных признаком твер-

дость—мягкость согласных: [п — п'], [б — б'], [в — в'], [м — м'], [т — т'], [д — д']. В результате этого процесса произошли и серьезные изменения в соотношениях согласных с гласными [ы], [о], [ъ], [а] и [у]. Перед ними теперь встречались только твердые согласные, а мягкие встречались перед передними гласными и перед [а] и [у], т. е. в этот период в силе еще оставалось действие закона о слоговом сингармонизме. Нам, однако, важно отметить тот факт, что с появлением вторичносмягченных несколько раздвинулись рамки функционирования сочетаний „мягкий согласный + /а/'“. Если до возникновения вторичносмягченных микроструктура мягкий парный согласный + /а/ встречалась только на стыке морфем, то после названных изменений она реализуется и внутри морфем.

Это объясняется тем, что древнерусская фонема /ä/, возникшая из /e/, после вторичного смягчения согласных совпала с фонемой /а/ после исконно мягких в результате фонетических манифестаций. Однако, как отмечают историки языка, сочетания с фонемой /ä/ были не так часты как во внутриморфемной позиции, так и на стыке морфем. Такая ограниченность, объясняет В. В. Иванов, была связана „не с фонетической возможностью или невозможностью сочетания того или иного согласного с данным гласным, а с условиями происхождения этого гласного: наличие сочетаний с /ä/ было ограничено лексически, они могли быть в тех словах, где в праславянском выступали сочетания данных согласных с /e/'“ (Иванов, 1968, 159).

В соответствии с указанным развитием микроструктура мягкий парный согласный + /а/ отразилась в корневой морфеме следующих слов современного русского языка:

а) существительные:

вяз, грязь дятел, дрязги, зять, клятва, кляча, князь, мята, пядь, пятка, ряд, тяга, тяжесть, десятка запястье и т. д.;

б) глаголы:

вязнуть, звякнуть, зябнуть, мять и т. д.;

в) числительные:

десятка, пять.

В связи с данным процессом интересно обратить внимание и на историю возникновения в русском языке последовательности /б'а/ в корневой морфеме слов *обязанность, обязанный, обязывать*. Ее появление связано как с процессом упрощения сочетаний согласных в период, когда еще в силе был закон открытого слога, так и с переходом *e в /ä/ и смягчением полумягких. Возникшая на стыке приставки *ob- и корня с v, сочетание bv изменилось в в. Из *obvezati образуется *obezati*, сохранившееся в современном русском языке в вышеприведенных словоформах.

Вышеотмеченные изменения в фонологической системе древнерусского языка сказались и на реализации последовательности „мягкий парный согласный + /а/'“ на морфемном стыке. Так, известно, что позиционную мягкость получали согласные перед фонемой /ä/ в падежных формах некоторых существительных среднего рода с суф. *ent — *жеребята, телята, щенята* и т. д. — и с суф. *men — *имя, семя, племя* и т. д. Позиционная полумягкость почти всех согласных, оказавшихся перед фонемой /ä/, после вторичного смягчения дала их мягкость и в падежных формах кратких причастий действительного залога настоящего времени от глаголов III

и IV классов. В современном русском языке это формы деепричастий: *блестя, бороня, бродя, веля, вертя, вися, возя, гоня, глумясь, гремя, громя, грубя, давя, даря, деля, дерзя, желя, живя, храня, рубя,нося* и т. д.

Кроме того, эта фонематическая последовательность обнаруживается в формах 3 л. мн. ч. и причастий наст. вр. действительного залога приведенных глаголов, кроме глагола *жить*.

Итак, приблизительно к концу XI в., как считают историки языка, можно было говорить о том, что категория твердости-мягкости получила более или менее отчетливое оформление, выражавшееся в оппозиции согласных в положении перед непредними гласными /a/ и /y/. Сочетаний мягких с /o/ древнерусский язык в этот период еще не допускает. Не получают своих мягких коррелятов в это время и заднеязычные /к/, /г/, /х/. Позиция же перед /a/, как и перед /y/ для согласных становится „абсолютно сильной“, так как в ней различались все согласные.

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что область действия дифференциального признака „твердость—мягкость“ в эпоху после вторичного смягчения сузилась, кроме того, он дефонологизовался в позиции перед другими гласными, а так как благодаря этому признаку стало противопоставляться большее количество согласных, релевантность его усилилась.

Интерес представляет и вопрос функциональной нагрузки возникших последовательностей после вторичного смягчения полумягких. В. В. Иванов отмечает, что „внутриморфемные противопоставления парных твердых—мягких согласных вполне отчетливо могут быть представлены на уровне модели, однако функциональная нагрузка этих противопоставлений оказывается весьма слабой. Вообще, как видно, устойчивость оппозиций твердый—мягкий определялась их функциональной значимостью на стыке, а не внутри морфем, где противопоставляемые этими оппозициями пары слов были редки и единичны“ (В. В. Иванов, 1968, 270). Так, например, как далее указывает В. В. Иванов, в позиции перед /a/ „вне функциональной значимости оставались полностью оппозиции /п — п'/: /б — б'/, /д — д'/, /з — з'/, /н — н'/: к ним, как видно, следует присоединить и оппозицию /в — в'/. ...“ (В. В. Иванов, 1968, 271). Другими словами, и после вторичного смягчения полумягких основная тяжесть функциональной нагрузки приходится на морфемный шов. Извлеченный материал современного русского языка подтверждает сказанное.

Падение редуцированных сыграло решающую роль в фонологическом развитии категории твердых—мягких согласных современного русского языка. Появилась возможность оппозиций на лексическом и морфемном уровнях:

саду — сяду, рад — ряд, бяка — бака, пядь — падь, пальцы — палцы, выпяливать — выпаливать, пяточный — паточный, вяленный — валеный, завяливать — заваливать, вазовый — вал, вязь — Вась, тять — тать, азам — аам, сак — сам, сям — сам, глядя — глядя, выглядывать — выгладывать, клясть — класть, лярд — лард, сляб — слаб, мять — мать, мята — мата, полдня — полдна, няня — нана, дрянь — дрань, ряса — раса, пряжа — пража, тряс — трасс, хряпа — храпа, кража — кража, берега — берега ...

И тем не менее, как показали наши исследования и статистика, больше всего случаев фонематической последовательности /t'a/ зарегистрировано в межморфемной позиции.

/t'a/	Н'А	Р'А	Л'А	Т'А	Д'А	С'А	Б'А	В'А	П'А	М'А	З'А	Ф'А	Г'А	К'А	Х'А
морф	3	51	48	30	0	47	6	30	18	14	2	0	0	0	0
шов	805	613	594	214	180	97	110	79	73	67	45	6	0	0	0

Объяснением приведенного количественного соотношения исследуемых фонематических последовательностей является описанное их историческое развитие.

ЛИТЕРАТУРА

- ИВАНОВ, В. В.: Историческая фонология русского языка. Москва 1968.
 КАЛЫНЬ, Л. Э.: Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке. Ученые записки института славяноведения, т. XIII, Москва 1956.
 ЛИЗАЛОВА, Л.: По поводу функциональной нагрузки фонематических моделей /t'a/, /t'o/, /t'u/ в современном русском языке. В: Св. rusistika, XXIX, 1984, s. 54—59.
 МАКАРОВ, В. Г.: Из истории фонетики русского языка. Чебоксары 1971.
 Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы. Москва 1983.
 Орфографический словарь русского языка. Москва 1969.

SPOJENÍ FONÉMŮ /t'a/ A JEHO FUNKCE V SOUČASNÉ RUŠTINĚ

Rozlišující příznak palatálnost — nepalatálnost se neuplatňuje u všech měkkých konsonantů současné ruštiny stejnou měrou. Tuto nerovnoměrnost je možno vysvětlit historickými podmínkami a zvláštnostmi, které provázely vznik a rozvoj této korelace ve fonologickém systému ruštiny.

Také spojitelnost měkkých párových konsonantů se zadními vokály vykazuje jisté disproporce. Autorka se na základě fakt z historického vývoje mikrostruktury /t'a/ snaží tento jev vysvětlit a na lexikálním materiálu současné ruštiny názorně ukazuje jeho využití.